

УДК 82.31

UDC 82.31

ОБРАЗ «ОБЫКНОВЕННОГО» ЧЕЛОВЕКА В РОМАНЕ Р. МУЗИЛЯ «ЧЕЛОВЕК БЕЗ СВОЙСТВ»**THE IMAGE OF AN 'ORDINARY' MAN IN THE NOVEL "THE MAN WITHOUT QUALITIES" BY ROBERT MUSIL**

Худавердова Надежда Петровна
*Южнороссийский институт менеджмента,
Краснодар, Россия*

Khudaverdova Nadezhda Petrovna
Southern Institute of Management, Krasnodar, Russia

В статье дан анализ образа обывателя, противопоставленного в романе главному герою Ульриху, инаковость которого нашла отражение в названии романа Р. Музиля «Человек без свойств»

The article analyzes the image of the average man opposed in the novel to the protagonist Ulrich, whose otherness is reflected in the title of the novel by R. Musil "The Man Without Qualities"

Ключевые слова: ИРОНИЯ, МОДЕРНИЗМ, ДУША, СОЗНАНИЕ, ХАРАКТЕР, МАСКА, ТЕЛЕСНОСТЬ

Keywords: IRONY, MODERNISM, SOUL, CONSCIOUSNESS, CHARACTER, MASK, CORPOREALITY

Название романа австрийского классика модернизма Роберта Музиля (1880-1942) «Человек без свойств» („Mann ohne Eigenschaften“) определяет основную проблематику произведения, в центре которого стоит современник повествователя. Роман посвящен анализу духовного состояния общества мифического государства Какании накануне войны. В процессе подготовки торжественного празднования семидесятилетнего юбилея кайзера, на заседаниях так называемой Параллельной акции, активная часть общества приходит к идее о необходимости сильной руки и приятию войны как альтернативе бездействию. За вымышленной страной явственно угадывается Австро-Венгрская империя в период, предшествующий ее окончательному краху.

Характерный для модернизма образ человека, представленный в романе, определяется итальянским ученым J. Gyory как «Homo Ausriacus»¹, и рассматривается как ключевой персонаж европейской литературы данного периода. В связи с этим *актуальным* представляется изучение собирательного образа человека присутствующего в романе. Рассмотрение образа в психологическом аспекте определяет *новизну* нашей работы, поскольку, несмотря на общий интерес (работы А.В. Карельского,

¹ Gyory J. Musil, Homo Austriacus. Musil – Forum. 7. Jahrgang 1981. 1. und 2. Halbjahresheft. S.13

Д.В. Затонского, А.В. Белобратова, Н.С. Павловой, Т.А. Свительской, Н.С. Сейбель, И.И. Гарина, диссертационные исследования Д.С. Давлионидзе, Е.И. Кузнецовой, Н.В. Тихоновой, И.А. Солодиловой, Е.Ю. Мамоновой) в отечественном литературоведении существует не так много научных исследований, посвященных анализу образа «обычного» человека в романе австрийского классика. Интерес исследователей касается метода и проблематики романа (А.В. Карельский, Д.В. Затонский, Н.С. Павлова, А.В. Белобратов), стилистическим аспектам (Н.В. Тихонова, И.А. Солодилова), А.В. Белобратов рассматривает персонажей романа как модернистские маски, являющиеся предметом авторской сатиры. А.В. Карельский видит в «обыкновенном» человеке антипод главного героя Ульриха, который и назван «человеком без свойств». Тем не менее мы не нашли детального исследования, посвященного образу «обыкновенного, человека или человека «со свойствами» в связи с категорией комического, базовой категории поэтики романа Р. Музиля.

В соответствии с этим **цель** нашей статьи – выявить особенности образа: «ненаходимость» души, фрагментарность характера, низведение личности до уровня функционирующей детали биологического целого.

Объектом исследования является роман Р. Музиля «Человек без свойств», самое значительное произведение этого автора. **Предметом** – образ «обыкновенного» человека в романе.

Методологической основой исследования явились отечественные и зарубежные исследования, посвященные эпохе венского модерна и творчества Р.Музиля: А.В. Белобратова, А.И. Жеребина, Д. Затонского, А.В. Карельского, Н.С. Павловой, Н.С. Сейбель, Т.А. Свительской и др.

Роберт Музиль в ироническом эссе «Буриданов Австриец» (1919)² описывая современника, заключает, что он «от ушей до копыт

² Музиль Р. Малая проза. Избранные произведения в двух томах. Т.2. М. «Канон-пресс-ц» «Кучково поле». 1999. С. 311

представляет собой, с одной стороны, саму раздвоенность, с другой же - благородную утонченность собственной персоной»³. Основные положения данного эссе нашли развернутое воплощение в романе, как и ирония повествователя.

«Состояние распада», «разложения»⁴ неоднократно упоминаемое в дневниках Музиль считает приметой и характерной чертой не только своего современника, но и времени в целом. Потеря цельности связана, прежде всего, с трансформацией души в осязаемую, беспокоящую, но трудноопределяемую составляющую человека.

Слово «душа» (die Seele) встречается на страницах романа повсеместно и в разговорах персонажей и в размышлениях повествователя, что указывает на его значимость для понятийного уровня романа. Поисками «души», загадочного, неуловимого «etwas» (нечто), занят почти каждый из героев романа. Она является предметом разговоров Диотимы и доктора Арнгейма, Вальтера и Клариссы, над ней размышляет Лейнсдорф и Ульрих, что в каждом отдельном случае вызывает у автора сложное чувство насмешки и сопереживания; взгляд Музиля проникает за комическую маску эстетского самолюбования и делает явным трагическое ощущение обделенности своих персонажей.

В главе 25 первого тома «Leiden einer verheirateten Seele» (1. 103) (страдания замужней души) повествователь предлагает различные варианты этого эфемерного ускользающего понятия. «Sie ... entdeckte, daß ihr etwas verlorengegangen war, von dessen Besitz sie vordem nicht viel gewußt hatte: eine Seele. Was ist das? - Es ist negativ leicht bestimmt: es ist eben das, was sich verkriecht, wenn man von algebraischen Reihen hört. Aber positiv? Es scheint, daß es sich da allen Bemühungen, die es fassen wollen, erfolgreich entzieht» (1.103) (Она [Диотима – Н.Х.] ... открыла, что у нее пропало

³ Там же. С. 314

⁴ Там же. С. 247, 313

нечто, об обладании чем она раньше не много знала, – душу. Что это такое?.. Легко дать отрицательное определение: это то, что прячется, когда слышат об алгебраических рядах. А положительное? Кажется, что понятие это успешно ускользает от всяких попыток его поймать). Это и «etwas Ursprüngliches ... eine ahnungsvolle Empfindsamkeit» (1.103) (какая то изначальность, какая то вещая чувствительность), «Vielleicht war es Phantasie; vielleicht eine Ahnung von der instinktiven vegetativen Arbeit, die täglich unter der Decke des Leibes vor sich geht» (1.103), (может быть, это была фантазия; может быть, догадка о той инстинктивной вегетативной работе, которая ежедневно происходит под телесным покровом), ее можно также понять как «als ein Etwas von Stille, Zärtlichkeit, Andacht und Güte» (1.103) (как нечто от тишины, нежности, благоговейности и доброты), которую можно найти в «namenlosen Welle von Dünromantik und Gottesehnsucht» (1.103) (в безымянной волне худосочной романтики и тоски о Боге). Общим для определений даваемых повествователем являются слова семантического поля «неопределенность» («etwas», «ein Etwas»), а также таких слов как предчувствие, догадка, безымянная волна, в результате чего не возникает никакого конкретного образа. Повествователь напрямую отсылает нас к романтической традиции, но вкрапление прозаизмов и слов из научной, экономической сферы делают очевидной критическое восприятие этой традиции.

В главе 45 «Schweigende Begegnung zweier Berggipfel» (1. 182) (молчаливая встреча двух горных вершин) повествователь пытается дать определение «душе» в более широком контексте. «das, was der heutigen Zeit verlorengegangen ist oder sich nicht mit der Zivilisation vereinen läßt; als das, was in Widerstreit mit körperlichen Trieben und ehelichen Gewohnheiten steht; als das, was von einem Mörder nicht nur unwillig erregt wurde; als das, was durch die Parallelaktion befreit werden sollte; als religiöse Betrachtung und contemplatio in caligine divina beim Grafen Leinsdorf; als Liebe zu Gleichnissen

bei vielen Menschen, und so fort» (1.183) (как то, что утрачено нынешним временем и никак не соединяется с цивилизацией; как то, что идет вразрез с физическими нуждами и супружескими привычками; как то, в чем убийца пробудил не одно лишь негодование; как то, что должна была высвободить параллельная акция; как религиозное созерцание ..., как любовь к символам у многих людей). Используя несочетающиеся друг с другом аналогии повествователь переходит от представления о душе как о чем-то неопределенном к представлению о ней как о чем-то, существующем лишь в воображении. Соединение таких разных понятий как цивилизация, супружеские привычки, убийца, параллельная акция, делает определение окончательно невозможным.

Тем не менее, существуют, по мнению повествователя, персонажи, которые «знают в душе толк», так как извлекают из этого понятия полезные для себя дивиденды. Любопытно, что персонажи, вызывающие у повествователя наиболее критическое отношение, оказываются «людьми с душой».

Так, доктор Арнгейм является первым финансистом с душой и признанным «душеведом», о чем свидетельствуют его успешно продающиеся книги, о которых мы знаем только то, что слово душа встречается там повсеместно. Несмотря на тщетные попытки отыскать у себя нечто, именуемое душой, повествователь неоднократно называет Диотиму «ein seenvoller Mensch» (1. 333) (человек с душой), имея в виду ее идеализм, сосредоточенность на духовных вопросах. В беседах Диотимы и Арнгейма душа становится лейтмотивом. Признание души для них – своего рода компенсация: предпочтительнее считать себя человеком с душой, чем дельцом без деловой хватки или не очень любимой женщиной с неутоленным честолюбием. Кроме того, саркастически замечает Музиль, «sicher ist, daß Fürsten und Generale keine Seele haben» (1. 389) (точно известно, что у князей и генералов души) вовсе нет.

Рассуждения о «душе» в романе демонстрирует с одной стороны не востребованность понятия для обычного человека (невозможность дать определение), с другой стороны спекулятивное использование его, как неясного, но имеющего ценность аргумента, что вызывает неприятие и раздражение у части персонажей. Так Генерал Штумм, Ульрих, Агата говорят о душе много и охотно. Результатом их интеллектуальных усилий дать определение является красноречивый ряд эпитетов – «die innere Dürre» (1, 40) «внутренняя пустота», «das grosse Loch» (большая дыра), «so nackt wie eine Wegschnecke» (1, 493) (голая словно моллюск), «Pfaffengerede» (1. 568) (поповская болтовня). Сарказмом дышит название 46 главы первой книги «Ideale und Moral sind das beste Mittel, um das große Loch zu füllen, das man Seele nennt» (1, 185) (идеалы и мораль лучшее средство заполнить ту большую дыру – которую называют душой).

Трудности определения души не отменяют ее наличие, в чем не сомневается повествователь. В романе душа «die Seele ins All schreit» (1, 48) (кричит во вселенную), она «die Seele hilflos» (1, 425) (беспомощна), «es nur eine Seele gibt und diese nicht greifbar» (1.391) (есть только одна и она неосязаема). Кризисный характер эпохи приводит к тому, что «социум отрезает доступ к душе человека как к природному живому началу»⁵.

В авторских отступлениях, в высказываниях персонажей упоминается не только «второе сознание», которое существует параллельно основному, но и десять характеров, которыми обладают жители Какании. Эта тенденция объединяет Музиля с современной ему литературой Австрии, для которой был характерен кризис и распад личности, образующий центральное звено сюжета⁶.

⁵ Мананникова В.Г. Особенности экспликации художественной картины мира в модернистском повествовательном дискурсе первой половины XX века: на материале текстов австрийских писателей: автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Калининград, 2011. С. 14.

⁶ Жеребин А.И. Философская проза Австрии в русской перспективе: Эпоха модернизма: автореферат дисс. ... д-ра филол. наук. Санкт-Петербург, 2006. С. 15.

Характеры, описанные повествователем являются модернистскими масками, проявляющимися при смене ролей. Немецкий исследователь Th. Buck⁷ указывает на наличие “Rollenproblematik” (ролевой проблематики) в связи с персонажами романа. Так в романе упоминаются десять различных характеров среднего канца – профессиональный, национальный, государственный, классовый, географический, половой, осознанный, неосознанный.

Авторские метафоры создают ощущение текучего, аморфного, бесформенного человека «eine süße wässrige Frucht ohne Schale» (1, 381) (сладкий водянистый плод без кожуры). Он статичен, понятие развития заменено словами «колыхание, парение, движение». Человек современности карикатурен: некоторые части его (телесная оболочка, область свойств-характеров, разум) чрезмерно развиты и активно, порой агрессивно функционируют; другие – душа, чувства – труднообъяснимы и непонятны. Важный аспект концепции личности Музиля – моральная аморфность человека. Ирония служит одним из средств выявления изменчивого во внутреннем мире героев. Нет больше противостояния целостного человека целостному миру, а существует «ein menschliches Etwas bewegt sich in einer allgemeinen Nährflüssigkeit» (1,217) (человеческое нечто в общей питательной жидкости). Персонажи романа воспринимают людей распавшимися на части, на составные элементы. На оценочном уровне автор сравнивает человека с застывающей каплей, с выдохнутым воздухом.

Если душа представляется трудноопределимой и таинственной, то гораздо более конкретной является «tierischen und vegetativen Teil des eigenen Seins» (1, 510) (животная и растительная часть собственного бытия) человека. Повествователь вводит феноменологию телесного в

⁷ Mittermayer M., Popp F., Amon K. Abriss der deutschsprachigen Literatur von ihren Anfängen bis zur Gegenwart. Lehr- und Arbeitsbuch. Braumüller. 1999. S. 268

контекст эфемерности человека как такового: «Ein höheres Gefühl von seinem Ich setzte sich mit einem unheimlichen Gefühl auseinander, als wäre er nicht fest in seiner Haut. Auch die Welt war nicht fest; sie war ein unsicherer Hauch, der sich immerzu deformierte und die Gestalt wechselte» (1, 157) (Высокое чувство собственного «я» спорило с жутковатым чувством неплотного прилегания собственной шкуры. Мир тоже не был прочен; он был чем-то эфемерным, то и дело менявшим облик и форму).

Автор, разделяя сознание человека на части, показывает его укоренелость в телесно сниженном, бытовом уровне. Так мышцы и нервы спортсмена заключают между собой договор «ohne daß Wille, Absicht und Bewußtsein dabei sein oder gar dareinreden dürfen» (1, 28) (без того, чтобы воля, намерение и сознание при этом участвовали или вовсе не могли вмешаться). Авторская ирония, используя несколько отстраненный, приподнятый стиль изложения выражает легитимность явлений как закономерный результат внутренних процессов.

В XX веке, по ироническому замечанию повествователя, «Gott, aus Gründen, die uns noch unbekannt sind, ein Zeitalter der Körperkultur heraufzuführen scheint» (1, 380) (по причинам, нам еще не известным, бог, кажется, устанавливает на земле эпоху физической культуры). Процесс реабилитации телесной сущности человека зашел так далеко, что вызвал восклицание Уло: «der Körper, ..., das Übergewicht habe und auf jeden Reiz ohne zu fragen, mit seinen automatisch eingeschliffenen Bewegungen so sicher antworte, daß dem Besitzer nur noch das unheimliche Gefühl des Nachsehens bleibt» (1, 30) (Тело... берет верх, и так уверенно, без спросу, реагирует на любой раздражитель своими автоматизированными движениями, что у владельца остается только жутковатое чувство, что он ни при чем). При затухании импульсов, идущих от духовных структур человека, требования и желания тела кажутся единственно возможными, верными и насущными.

«Я нельзя спасти» Э. Мах.⁸

Признание за телом исключительной важности и неприятие любви как категории всебытия несет за собой одиночество и невозможность понять и принять другого. Человеку становится непонятен сочеловек: музыкант – загадочное и чужое существо для футболиста; отцы не понимают и не принимают поступков своих детей. Это приводит к признанию естественным настроенного отношения людей друг к другу, пониманию одиночества как нормы и формированию общества, основанного на недоверии. В обществе, где нет особых причин любить ближнего, убийство становится только несколько большим отклонением от обычной неприязни. Так, в романе появляется ожидание большого зла.

Обычных жителей страны, образующих социальный фон повествования мы наблюдаем на улице, за работой, на отдыхе и т.д. Вездесущность этого собирательного образа подчеркивает его безликость. Этим персонажей отличает серьезный, неироничный подход к жизни. Мир воспринимается ими как неизменная данность. Здесь нет разговоров о бесплодности современности, сюда не доходят разговоры об отмене реальности. То, что здесь занимает умы, либо насущно, либо развлекает.

Средний каканец находит мир разумно устроенным и вызывающим доверие. Существующие законы, полиция и армия делают мир устойчивым и надежным. Ощущая себя лишь частью общей массы, он оставляет решение проблем правительству, духовным деятелям, людям, которые ответственны за это. Такое доверие без привычки к анализу делает их заложниками системы. Через некоторое время их благодушие будет растоптано. Кто-то превратится в жертв системы, кто-то - в палачей.

Образ «обычного» человека сопровождается в романе мягкой иронией «*der gewöhnliche Mensch nun einmal der gewöhnliche ist!*» (1, 117)

⁸ Жеребин А.И. Философская проза Австрии в русской перспективе: Эпоха модернизма: автореферат дисс. ... д-ра филол. наук. Санкт-Петербург, 2006. С. 227.

(обыкновенный человек и правда обыкновенен). Этот образ является и комическим и трагическим одновременно, с одной стороны, как несущий черты всеобщего упадка, с другой как участник и жертва грядущей мировой катастрофы – войны. «Трагический кризис автономного Я»⁹ ясно осознаваемый повествователем и главным героем Ульрихом делает его предметом иронии повествователя.

Литература

1. Musil R. Der Mann ohne Eigenschaften. Roman/I. Erstes und zweites Buch. RTV, 1999. – 1040 S.
2. Musil R. Der Mann ohne Eigenschaften. Roman/II. Aus dem Nachlass. RTV, 2000. 1056 S. – 2154
3. Allemann B. Ironie und Dichtung. Gunther Neske. Pfullingen, 1956. – 175 S.
4. Белобратов А.В. Концепция культуры в творчестве Р. Музиля // Литература в контексте культуры. Новосибирск, 1991. Вып. 1. С. 76-85.
5. Белобратов А.В. Музиль и Витгенштейн, или Литература и философия // Вопросы философии. 1998, № 5. С. 113-119.
6. Блинова М.П. Ирония как основа повествовательной структуры в литературе немецкого романтизма // Научный журнал КубГАУ. 2010. №60(06). С. 1-11.
7. Бовеншен З. Из книги «Имагинированное женское начало» // Немецкое философское литературоведение наших дней. Антология. –СПб., 2001. С. 342-371.
8. Бочкарева Н.С. Формы выражения кризисного сознания в литературе и культуре рубежа веков // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 2. С. 111-118.
9. Германия. XX век. Модернизм, авангард, постмодернизм / Ред.-сост. В.Ф. Колязин. –М.: Росспэн, 2008. – 607 с.
10. Жеребин А.И. Философская проза Австрии в русской перспективе: Эпоха модернизма: автореферат дисс. ... д-ра филол. наук. Санкт-Петербург, 2006. 35 с.
11. Затонский Д. Австрийская литература в XX столетии. М., 1985. 442 с.
12. Карельский А. Утопии и реальность // Музиль Р. Малая проза. М.: Терра, 2009. С. 47-79.

References

1. Musil R. Der Mann ohne Eigenschaften. Roman/I. Erstes und zweites Buch. RTV, 1999. – 1040 S.
2. Musil R. Der Mann ohne Eigenschaften. Roman/II. Aus dem Nachlass. RTV, 2000. 1056 S. – 2154
3. Allemann B. Ironie und Dichtung. Gunther Neske. Pfullingen, 1956. – 175 S.
4. Belobratov A.V. Konceptija kul'tury v tvorcestve R. Muzilja // Literatura v kontekste kul'tury. Novosibirsk, 1991. Vyp. 1. S. 76-85.

⁹ Жеребин А. Вертикальная линия. Философская проза Австрии в русской перспективе. Мирь. Санкт-Петербург, 2004, С. 59

5. Belobratov A.V. Muzil' i Vitgenshtejn, ili Literatura i filosofija // Voprosy filosofii. 1998, № 5. S. 113-119.
6. Blinova M.P. Ironija kak osnova povestvovatel'noj struktury v literature nemeckogo romantizma // Nauchnyj zhurnal KubGAU. 2010. №60(06). S. 1-11.
7. Bovenshen Z. Iz knigi «Imagirovannoe zhenskoe nachalo» // Nemeckoe filosofskoe literaturovedenie nashih dnei. Antologija. –SPb., 2001. S. 342-371.
8. Bochkareva N.S. Formy vyrazhenija krizisnogo soznaniija v literature i kul'ture rubezha vekov // Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija. 2010. № 2. S. 111-118.
9. Germanija. XX vek. Modernizm, avangard, postmodernizm / Red.-sost. V.F. Koljazin. –M.: Rosspjen, 2008. – 607 s.
10. Zherebin A.I. Filosofskaja proza Avstrii v russkoj perspektive: Jepoha modernizma: avtoreferat diss. ... d-ra filol. nauk. Sankt-Peterburg, 2006. 35 s.
11. Zaton'skij D. Avstrijskaja literatura v XX stoletii. M., 1985. 442 s.
12. Karel'skij A. Utopii i real'nost' // Muzil' R. Malaja proza. M.: Terra, 2009. S. 47-79.